

Третья сказка про Фиту, Евгений Замятин

Жители вели себя отменно хорошо – и в пять часов пополудни Фита объявил волю, а будочников упразднил навсегда. С пяти часов пополудни у полицейского правления, и на всех перекрестках и у будок – везде стояли вольные.

Жители осенили себя крестным знамением:

– Мать пресвятая, дожили-таки. Глянь-ка: в чуйке стоит! Вместо будошника – в чуйке, а?

И ведь главное что: вольные в чуйках свое дело знали – чисто будочниками родились. В участок тащили, в участке – и в хрюкалку, и под микитки – ну все как надобно. Жители от радости навзрыд плакали:

– Слава тебе, Господи! Довелось: не кто-нибудь, свои бьют – вольные. Стой, братцы, армяк скину: вам этак по спине будет сподручней. Вали, братцы! Та-ак... Слава тебе, Господи!

Друг перед дружкой наперебой жители ломались посидеть в остроге: до того хорошо стало в остроге – просто слов нету. И обыщут тебя, и на замочек запрут, и в глазок заглянут – все свои же, вольные: слава тебе, Господи...

Однако вскорости местов не хватать стало, и пускали в острог жителей только какие попочетней. А прочие у входа ночь напролет дежурили и билеты в острог перекупали у барышников.

Уж это какой же порядок! И предписал Фита:

«Воров и душегубов предписываю выгнать из острога с позором на все четыре стороны».

Воров и душегубов выгнали на все четыре стороны, и желавшие жители помаленьку в остроге разместились.

Стало пусто на улицах – одни вольные в чуйках; как-то оно не того. И опубликовал Фита новый указ:

«Сим строжайше предписывается жителям неуклонная свобода песнопений и шествий в национальных костюмах».

Известно, в новинку – оно трудно. И для облегчения неизвестные люди вручили каждому жителю под расписку текст примерного песнопения. Но жители все-таки стеснялись и прятались по мурьям: темный народ!

Пустил Фита по мурьям вольных в чуйках – вольные убеждали жителей не стесняться, потому нынче – воля, убеждали в загривок и под сусало и наконец убедили.

Вечером – как Пасха... Да что там Пасха!

Повсюду пели специально приглашенные соловьи. По-взводно, в ногу, шли жители в национальных костюмах и около каждого взвода вольные с пушкой. Единогласно и ликующе жители пели, соответственно тексту примерного песнопения:

Славься, славься, наш добрый царь.

Богом нам данный Фита-государь.

А временно исполняющий обязанности Фита раскланивался с балкона.

Ввиду небывалого успеха, жители тут же, у балкона Фиты, под руководством вольных, в единогласном восторге, постановили – ввести ежедневную повзводную свободу песнопений от часу до двух.

В эту ночь Фита первый раз спал спокойно: жители явственно и быстро просвещались.

1917 год